Автор: Автор

Мы публикуем второй фрагмент воспоминаний о протопресвитере Иоанне Мейендорфе (1926–1992) из книги профессора Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института, почетного члена Киевского Религиозно-философского общества протоиерея Николая Озолина «Париж. Нью-Йорк. Москва. Из личных воспоминаний», которые будут полностью републикованы с разрешения автора в журнале «Христианская мысль».

Вторая часть посвящена взглядам протопресвитера Иоанна Мейендорфа на церковные вопросы, не только не утратившие своей актуальности сегодня, но даже ставшие еще более острыми, в том числе и в Украине, – перевод богослужебных текстов с церковно-славянского на славянские языки, реформы церковной жизни, их необходимость и опасности, поджидающие Церковь на этом пути (на примере общины священника Георгия Кочеткова) и др. Характерно, что позиция о. Иоанна далека от критиканства: она содержит подробнейший анализ взглядов о. Георгия, основанный на православной экклезиологии.

Мы также предоставляем читателям возможность ознакомиться с текстами о. Иоанна Мейендорфа, на которые ссылается о. Николай Озолин, – « Заметка о Церкви » и « Об изменяемости и неизменности православного богослужения ».

Публикация: Протоиерей Николай Озолин. Несколько штрихов к портрету отца Иоанна // Протоиерей Николай Озолин. Париж. Нью-Йорк. Москва. Из личных воспоминаний. – М., 2005. – С. 57–108.

[…] Первая наша встреча в России произошла на Третьей Международной научной конференции, посвященной 1000-летию крещения Руси, состоявшейся в начале февраля юбилейного 1988 года в «Граде Св. Петра», как тогда выражался митрополит Алексий, нынешний Святейший Патриарх, [1] председательствовавший на конференции. Для нас обоих это было радостное возвращение после долголетнего отсутствия, а для отца Иоанна – и долгожданный конец мучительного испытания. Ему в течение почти десяти лет систематически закрывали въезд в Россию, и это спустя восемь лет после дарования автокефалии бывшей русской митрополии в Америке, в устройстве которой отец Иоанн с самого начала принимал весьма активное и, можно сказать, решающее участие. Однако врачевание раскола с матерью Церковью и налаживание нормальных канонических отношений с ней для отца Иоанна вовсе не означало готовности к компромиссам с по-прежнему богоборческой властью, угнетающей эту же Церковь. Напротив, он считал, что надо всячески поддерживать православных правозащитников и борцов за свободу Церкви, и потому в 1977 году не счел возможным отказать Льву Регельсону в написании послесловия к его книге «Трагедия Русской Церкви 1917–1945». Это послесловие свидетельствует о поразительной осведомленности отца Иоанна в сложной и столь запутанной области новейшей истории Русской Церкви. Оно является настоящим трактатом православной экклезиологии и, кстати, во многом расходится с принципиальной антисергиевской позицией автора. Но вместе с тем отец Иоанн видит значение этого труда именно в том, что он является первой попыткой написать
в России
очерк истории страшных гонений 20-х и 30-х годов. «Молодая интеллигенция не сможет обойти вопрос,
в какую
Церковь она призвана обращаться […] Она должна восстановить истину и особенно возродить память и культ мучеников».
[2]

Столь правдивое заявление тогдашние «органы» не могли ему простить и решили «пришить» ему какое-то возмутительно нелепое дело о «подпольной» деятельности в России. Людей, знавших его, стали вызывать на допросы, угрожая всякими репрессивными мерами в случае дальнейшего общения с ним. В газетах, в частности в «Труде», появлялись злобные статьи, где ругали отца Иоанна «сыном царедворца» и описывали какие-то выдуманные нелегальные ночные встречи… Словом, все было поставлено так, что, конечно, о приглашениях и визах речи уже не могло быть, и въезд в Россию для него оказался закрытым. Отец Иоанн очень переживал, но как всегда чувства свои не показывал и почти ни с кем не говорил на эту тему…

А что касалось меня, то последний мой приезд состоялся в декабре 1973 года в связи с командировкой на остров Цейлон с тогда еще очень молодым архимандритом Кириллом

(Гундяевым) [3] для участия в очередной экуменической конференции. С тех пор прошло целых пятнадцать лет. На юбилейную конференцию отец Иоанн и я приехали как представители двух заграничных богословских школ – Свято-Владимирской и Свято-Сергиевской. В Париже тогда только что скончался очень уважаемый отцом Иоанном Леонид Александрович Успенский, [4] учеником которого я был в течение почти тридцати лет, и мой доклад на конференции, естественно, был о нем…

Отец Иоанн буквально был нарасхват, от академика Лихачева до разных молодых батюшек и студентов – все хотели с ним поговорить, что-то обсудить или получить авторитетный совет. Конференция проходила в здании духовной академии, и по предложению организаторов отец Иоанн несколько раз служил ранние литургии в академическом храме; помню, один раз сослужил ему мой давний друг отец Александр Салтыков. Очень отец Иоанн сожалел, что, находясь в тот момент в другой секции, он не мог нас поддержать, когда мы с отцом Александром – ссылаясь на неблаговидную роль митрополита Макария в препечальном деле исповедника святых икон дьяка Висковатого [5] – выступили против тогда еще только обсуждавшейся канонизации московского митрополита [6] … Еще помнится другой горячий спор, на сей раз о богослужении на русском, а не на славянском, где отец Иоанн отстаивал «органическое продолжение уже многовекового процесса русификации славянского богослужебного языка», расценивая простой переход на современную русскую речь в богослужениях как никому не нужную ломку.

Кстати сказать, свой доклад на конференции отец Иоанн читал на тему: « Об изменяемости и неизменности православного богослужения », [7] который он написал с явной оглядкой на сектантствующие позиции и деятельность священника Г. Кочеткова и его последователей. Отец Иоанн очень опасался «нецерковного духа» этой «худшей версии новых донатистов», считающих, что «евхаристическая экклезиология недоступна православному опыту»; лишь мечтающих о Церкви и притом признающих самих себя «чистыми – уже усовершившимися и освятившимися» (т.е. впаших в прелесть!), и исключающих историческую действительность и ответственность за души «малых сих».

Еще в 1984 году отец Иоанн весьма решительно реагировал на статью Кочеткова, опубликованную под псевдонимом С. Т. Богданов в 140-м выпуске «Вестника РХД» и озаглавленную «Священство православных и баптистов». В своей ответной « Заметке о Церкви » [8] отец Иоанн сожалеет о «богословской неопытности автора» и о целом ряде

неточностей. Но главное – он считает необходимым «выразить свое решительное несогласие с основным выводом статьи: принципиальное принятие двух параллельных форм церковного устройства: «синагогально-синаксарную» и «экклисическую» (зачем такие чудовищные неологизмы?). Деление это неприемлимо принципиально, т.к. Церковь – одна. […] Говорить, что «экклисическое устройство с его догматами, канонами, чинными уставами, апостольской преемственностью иерархии и т. д.» есть как таковое всего лишь «ветхозаветная реальность», – неверно и опасно, и даже с православной точки зрения чудовищно…»
[9]

У Кочеткова отец Иоанн не только не признавал буйное, чаще всего неграмотное литургическое реформаторство, нелепые и – что хуже – некорректные переводы богослужебных текстов, но он с самого начала чутко почуял душок «гностического элитизма» и счел нужным предупредить, что «формы такого элитизма всегда отвергались «кафолическим» христианством»…

---

[1] Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (1929–2008) – Прим. ред.

[2] См.: Регельсон Л. Трагедия русской Церкви 1917–1945. Paris, 1977. – С. 613.

[3] Нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл – Прим. ред.

[4] Леонид Александрович Успенский – выдающийся иконописец, богослов, автор труда «Богословие иконы Православной Церкви» – Прим. ред.

[5] В 1553 году на церковном соборе дьяк Иван Висковатый выступает против нововведений в иконописи, являющихся латинским влиянием (против аллегорических изображений – Бога Отца, Бога Духа Святого, Софии и т.д.). Митрополит Московский и всея Руси Макарий (с 1542 по 1563 гг.) обвинил его в ереси, на три года отстранил от причастия, ему было запрещено впредь высказывать свое мнение об иконописании – Прим. ред.

[6] Митрополит Московский и всея Руси Макарий (с 1542 по 1563 гг.) канонизирован Русской Православной Церковью в 1988 году – Прим. ред.

[7] См.: Вестник РХ. – 1988. – № 153 (II). – С. 21-29.

[8] См.: Вестник РХД. – 1984. – № 141 (I-II). – С. 78-82.

[9] Там же.